

**Александр Васильевич
ЕЛИСЕЕВ**

**В РАЗВАЛИНАХ
ПЕТРЫ**

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е51

Елисеев, А. В.

Е51 В развалинах Петры / А.В. Елисеев. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 132 с. —
(ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-517-00479-6

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00479-6

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Молчит пустыня, ни звука, ни движения на ее мертвых искони песках! Горячими, обжигающими лучами ласкает ее южное аравийское солнце, горячим дыханием лобызает ее ветры, прилетевшие от полудня, огненным зноем пышет самый воздух, повисший над раскаленными песками... Ни человек, ни зверь, ни птица не знают этой пустыни, даже ничтожный червь не хочет назвать ее своею родиной, которая не породила ни одной травинки, не пустила ни одного ростка. Лишь изредка пролетает быстрая птица, кружится над мертвыми песками, словно стараясь что-то в них усмотреть, и снова исчезает в ту же бирюзовую синеву, что повисла-над красно-желтой пустынею. Еще реже промелькнет легкая, как стрела, быstroногая газель, которая взлетает над песками и пропадает в них, словно дитя знойного воздуха и горячей пустыни. Порою как будто оживляется мертвая пустыня, лучи солнца и слои трепещущей от зноя атмосферы строят воздушные замки, расцвеченные радугой, легкие, колеблющиеся, как призраки, вызванные мечтою. Но проходит и тает чудное марево, расплыва-

ются и улетают прекрасные образы; море дьявола, как называют арабы марево, исчезает в раскаленном воздухе, и снова мертва и безжизненна огненно-красная пустыня... Порою и смелый путник решается переходить эти мертвые раскаленные пески; смело правит он свой путь через эти страшные равнины, пышущие зноем и истомой; мерно ступают тогда его измученные верблюды, с дерзкою надеждою выбраться из пустыни восседает на них человек... Длинные вереницы верблюдов кажутся тогда привидениями; погребальным шествием кажется весь этот тихо движущийся караван. Местами разбросанные и выбеленные солнцем и песками кости, как дорожные вехи, указывают путь в пустыне, звезды и солнце направляют и ведут караван... Та земля, что идет за этою страшною пустынею, та счастливая страна, текущая медом и млеко, куда идут все эти караваны, до которой не достигают горячие пески и раскаленное веяние самума, манит и человека, и зверя, и птицу... Все они мчатся и летят туда, где бьют светлые, как кристалл, горные ручейки, где склонились над ними разрезные финиковые пальмы, где горы покрыты виноградниками и душистыми альпийскими травами, а низины зеленеют полями и благоухают садами, откуда несутся ароматы розы, апельсина и олеандра... Туда, в эту чудную страну, легшую за пустынею, прижавшуюся к высоким горам и спустившуюся до самого берега лазурного моря, ведут звезды и солнце путника, покинувшего берега тихого Нила, его поля и сады, его пирамиды и горы, иссеченные и обделанные рукою мудрого человека.

Земля обетованная впереди — то чует и путник, измученный переходом через раскаленную пустыню, и самый «корабль пустыни» — многотерпеливый верблюд... Живее движется усталый караван, бодрее смотрит вперед путник; ему уже мерещатся первые пальмы на красновато-желтом горизонте, за ними, он знает, начинается уже иная, обещанная Богом человеку страна....

Сюда-то, в эту обетованную искони страну, через знойную пустыню сорок длинных лет подвигался некогда бесконечной вереницею огромный, излюбленный Богом караван. От века не видала мертвая пустыня такого огромного скопления людей, никогда пески ее не топтали целые сотни тысяч мужей и жен, ведомых невидимую рукою от берегов тихого Нила к берегам быстрого Иордана и к пределам обетованной этому избранному народу земли. Безмолвная от века пустыня оживилась тогда внезапно под мощною пятою пришедшего человека; застонали ее сыпучие красно-желтые пески, горячий воздух наполнился звуками священных песен и говором многотысячной толпы; пустыня заговорила голосом народа, истомленного сорокалетними странствованиями; звуки и стопы его поднялись к безмолвному лазурному небу, которое говорило лишь с избранниками народа избранного; но не одно небо, но и пустыня, и горы, и вода слушались мощного голоса вождя этого великого, доселе неслыханного на земле каравана. Могучий силою, дарованною свыше, этот великий вождь вел смело через страшные пустыни целые сорок лет свой огромный, многотысячный народ... Именем Вышнего он смирял ужасы

моря и пустыни, останавливал солнце, разрушал скалы, разверзал землю и сорок лет питал сотни тысяч на песках, не могущих ныне прокормить и червяка. История и мифы человечества не знают ничего подобного; чудное шествие великого народа через огромную пустыню представляет нечто непонятное, колоссальное по размерам, грандиозное по событиям, великое по результатам, поражающее по чудесам, сопровождавшим его. Все, что может представить самое пылкое воображение, что может воссоздать лишь Высшая сила, правящая небом, морем и землею, — все соединилось вместе для того, чтобы показать миру, насколько дорог и любезен был ей этот избранный от многих народ...

Для него осушалось глубокое море, для него разверзались страшные пучины, поглощавшие его врагов, для него останавливалось солнце и не двигалась золотая луна, для него — этого народа избранного — раскалывались скалы и земли, камень источал воду, горькое становилось сладким, пустыня порождала пищу, ветры приносили мясо, воздух источал змей и горы Синая грохотали, отвечая громами, среди которых говорило небо с избранным от народа избранного. Для него — этого небольшого по количеству, но великого по нравственной силе и значению народа — сверкали с неба молнии, говорили грома и слышались речи, вещавшие волю Ведшего его в землю обетованную...

Сорок лет двигался по бесконечной пустыне этот ведомый Богом, не останавливаемый ни врагами, ни ужасами долгой дороги караван. Много членов его, поки-

нувших берега священного Нила, остались в желтых песках пустыни; вышедшие из Египта детьми стали уже взрослыми мужами, целые тысячи младенцев народились в горячих песках пустыни Сур, а их отцы, бывшие цветом народа израильского, уже оперлись на посохи старцев и убелились сединами. Костями избранного народа обильно покрылись пески Аравийской пустыни, но маститый вождь его шел неуклонно вперед, неволя Израиля, прогневившего Иегову и осужденного на сорокалетние скитания. Он знал, что пустыня есть горнило, в котором должен быть очищен народ мятежный и безумный, хотя и взысканный Иеговой; он знал, что блестящее и долгое будущее суждено Израилю; он знал также и то, что ему самому не суждено даже ввести народ в землю обетованную, — но, полный горячей веры и сознания исполненного долга, великий вождь не переставал указывать на край пустыни, за которым начиналась обещанная Богом страна Хананеи.

Прошли года, долгие страшные сорок лет томления в пустыне, и совершилось великое очищение; как огромное горнило, пройдена ужасная пустыня, грехи избранного народа остались в ее песках на костях дедов и отцов Израиля, молодое поколение не знает грехов родителей; почитая заповеди, вынесенные с вершины Синая, оно достойно и готово вступить на священную почву давно обетованной ему земли.

Вот и она виднеется сама вдали за синевато-розовою дымкой туманов, вставших над горами Петры и серебристою струйкой Иордана. Высятся вдали невысокие, но

покрытые туманом холмы, красивые пальмы качаются на их вершинах, обремененные плодами деревья пригибаются к плодоносной земле, покрытой богатою жатвою, южное солнце заливает своим ярким сиянием всю прекрасную, но пока еще недоступную страну. С легким веянием ветерков, забегающих и в пустыню из ущелий ее благоухающих садами гор, несутся ароматы жасминов, олеандра и роз. Но не призрачное марево стоит теперь, расцветившись всеми красками радуги, на горизонте, а настоящая действительность; не воздушные, а действительные пальмы, воды и сады... Да будет благословенна она вовек, эта трижды благословенная страна!..

Туда, за эту блестящую розоватую дымку туманов, за эти горы, манящие и ласкающие взор, за эту близкую, но все еще недоступную даль стремится уже два долгих месяца и юный путник, пришедший с дальнего севера... Не от холода и непогоды мрачной своей родины он пришел в знойную пустыню, где безоблачно вечно небо, где горит и пышет огнем аравийское солнце. Не ради солнца и пустыни он пришел от благословенных берегов Нила на простор горячих степей Эт-Тиха; для него нет впереди земли обетованной, она не осталась у него и назад.

Много долгих дней и ночей он торопит своего усталого верблюда, жадным взором он поглощает пространство, что расстилается вокруг, и бежит послушное животное через горы и пустыни, готовое нестись так, куда хватит силы и желания. Еще несколько дней быстрого перебега, и небольшой караван достигнет Газы —

ворот обетованной земли. По следам великого, проведенного Богом через пустыню каравана прошел и юный путник через дикие дебри Синая, пески Эт-Тихских степей и обнаженные каменистые равнины Ассура. С книгою Исхода в руках он шаг за шагом следовал по стопам Израиля, но не сорок лет, а всего шестьдесят дней он пробыл в пустынях, что протянулись от берегов Нила до южных пределов Палестины и ушли в море аравийских песков. Остались назади огромная пустыня Исхода, источники Элима и горы Рафидама; у подножия скал священного Синая недолго отдохнул путник, пришедший с угрюмого севера: его манили к себе бесконечный простор пустыни и безмолвные памятники в виде холмов и скал, указывающие путь Израиля к пределам обетованной земли. И вот теперь после долгих дней блуждания по пустыне остановился снова юный путник у подножия безмолвной Петры.

Город камня и скалы, как показывает самое его название, город, не выстроенный из камня, а иссеченный в толще скалы, город, представляющий один из величайших памятников античного человека, побеждавшего силу и природу, развалины, перед которыми кажутся ничтожными сами пирамиды, руина, не имеющая ничего подобного в целом мире, — вот что такое прежде великая, а ныне безмолвная, погребенная в песках Петра. Не она одна, впрочем, некогда пышная и славная, затерялась в пустыне Синая; ее судьбу разделяют многие города Моавии, Петры и Хананеи. Посмотрите в пустыню, что идет от Газы и Хеврона на юг к берегам Красного

моря, — она полна развалинами великих городов и представляется огромным кладбищем исчезнувшей ныне, но некогда великой цивилизации, процветавшей в самой пустыне. И Элас, и Эбода, и Элуза, и Эзион-Габер — все это безмолвные ныне руины, имевшие свою историю, свое славное прошлое. Мы прошли через это огромное кладбище пустыни и много часов провели с болью в сердце среди этих мертвых и безмолвных руин. Теперь перед нами лежала самая величайшая руина Востока — Петра, и к ней, раньше чем подойти к порогу Святой земли, поспешал наш маленький караван.

* * *

Если мы посмотрим на карту Палестины и Каменистой Аравии, то между Мертвым морем и Акабинским заливом Красного моря увидим небольшой перешийек, среди которого почти на одинаковом расстоянии отстоит от обоих морей горная группа Неби-Харуна; среди этого небольшого горного узла, из которого выходят во все стороны горизонта длинные вади, лежит и самый город скалы или Петра. От городка Акаби и южной оконечности Мертваго моря можно добраться до Петры дней в пять или в шесть, но дороги к ней так негостеприимны, что редкий путник, посещающий Палестину или Синай, осмеливается направить свои стопы к подножию гор Неби-Харуна.

Долго думали многие ученые и исследователи, что длинная долина эль-Араба, что идет от Мертваго моря и соляного столба Лота и так называемых развалин Со-